

UDC 130.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2019-11-149-158

Д.-Д. РОМАНОВ

К ВОЗМОЖНОСТИ ИМПЕРСКОГО ПРОЕКТА В РОССИИ: ПОИСК ОСНОВАНИЙ

***Аннотация:** Автор продолжает дискуссию на тему имперского проекта как цивилизационного выбора России. Вслед за Ю.М. Резником утверждается необходимость обращения к проблеме империи как социокультурного государственного проекта. Однако в статье акцент делается не на концепцию жизненного мира и экологическую парадигму, а на поиск метафизических и социокультурных нравственных оснований имперской доминанты в векторе развития общества нашей страны.*

Анализируя исследование Ю.М. Резника, автор обращает внимание на сильные и слабые стороны аргументации необходимости создания имперского типа государственности. При этом автор актуализирует идеи русских философов, которые находились в схожих условиях смены ориентиров на переломных этапах истории России. Делается вывод, что поиск оснований имперского проекта должен происходить с учётом опыта философов-предшественников, а также с проективной устремленностью современных исследователей в будущее.

***Abstract:** The author continues the discussion on the theme of imperial project as a civilizational choice of Russia. Following Y.M. Reznik the need of appealing to the problem of empire as a socio-cultural state project is argued. However, the article focuses not on the concept of lifeworld and the ecological paradigm, but on the search for the metaphysical and socio-cultural moral foundations of imperial dominant in the vector of development of our country's society. Analyzing Y.M. Reznik's research, author draws attention to the strengths and weaknesses of imperial type of statehood argumentation.*

At the same time, the author actualizes the ideas of Russian philosophers, who were in similar conditions of landmarks changing at crucial stages in the history of Russia. It is concluded that the search for foundations of imperial project should be

Романов Дмитрий Дмитриевич – соискатель кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: romanovbook@yandex.ru.

based on experience of predecessor philosophers, but also with modern researcher's projective aspiration in future.

Ключевые слова: имперский проект, цивилизационный выбор, традиции, монархия, культурные ориентиры, дух народа.

Keywords: imperial project, civilizational choice, traditions, monarchy, cultural landmarks, the spirit of nation.

Продолжая дискуссию об имперском проекте. В своей статье «Имперский проект и жизненный мир человека. К экологии со-бытия» Ю.М. Резник развивает ряд интересных идей касательно цивилизационного выбора России. Следует отдать должное философской смелости исследователя, поскольку, отвечая на этот вопрос, автор становится в один ряд с великими умами прошлого нашей страны, да и всего мира, и обязуется не терять своего лица на их фоне.

Вопрос цивилизационного выбора одновременно «проклятый» и «благословенный». Проклятый, поскольку преследует русского человека из века в век. Он был поставлен отнюдь не сто лет назад Вл. Соловьевым и Н.А. Бердяевым, не сто пятьдесят — Н.Я. Данилевским и Ф.М. Достоевским, не двести — П.Я. Чаадаевым, и даже не при Петре I. Это вообще вопрос русской государственности от самого её начала.

С другой стороны, «благословенность» этого вопроса создаёт зону комфортного пребывания в кругу корифеев. Тут есть опасность усыпления исследовательской бдительности и впадения в противоречие с самим собой. Ведь проблематика проработана столь кропотливо, концепций озвучено так много, и связи (цепочки концептуализации) так тонки и длинные, что легко неверно понять протагонистов из своего же лагеря. Об этом хочется поговорить подробнее. Как и о выбранных понятиях.

Оставляя за Ю.М. Резником право развивать и расширять свой концепт имперского проекта, мы возразим ему по ряду пунктов, и в самых общих чертах наметим альтернативный путь осознания имперского проекта. Мы не будем акцентировать внимание на жизненном мире человека, но укажем на угрозу деградации его духа. О ней говорили русские мыслители в преддверии потрясений начала XX века. О ней пора вспомнить и теперь, в эпоху затушевывания проблем, когда под видом потребительского благополучия и лёгкости бытия нам навязывается нравственное отупение. Когда чужеродная культура усыпляет глубинные переживания, голоса этих трансцендентных переживаний перестают звучать, и дверь в многомерную и уникальную вселенскую сокровищницу духа закрывается навсегда. Человек становится тем, что древние римляне называли «lagva» (астральный труп), или более привычное нам — личина. В противополож-

ность личности со всей полнотой социальных и сакральных смыслов, в ней заключённых.

Империя как цивилизационный выбор России предъявляет к человеку как личности ряд требований. Эти требования невозможны относительно человека как личины. В последнем случае империя вырождается в тоталитарную деспотию. И в этом плане Ю.М. Резник совершенно верно выделяет три типа человека по ценностно-деятельному критерию (эго-, эмо- и эко-деятель)²⁵⁰. Безусловно, имперская проблема связана с проблемой личностной, с выбором деятельности и направленности усилий по преобразованию, трансформации и, как высшему этапу — перерождению в обновленном, духовно совершенном качестве жизни.

Проблема выбора метафизических оснований проекта. Однако, как было указано выше, благословенность проклятого вопроса цивилизационного выбора приводит философа к путанице. И вот в чём она выражается.

Указывая на два варианта осмысления империи, Ю.М. Резник выделяет социоцентрический и персоналистский пути. Первый представлен идеями Вл. Соловьева и его последователей, второй наиболее полно исследовал Н.А. Бердяев. Следует внимательнее присмотреться к первому. «Имперский проект, по его мнению, — заключает Ю.М. Резник, характеризуя концепцию Соловьева, — держится на трёх столпах — церковь, государство и общество»²⁵¹. Следует напомнить, что для Резника империя — это, прежде всего, геополитическое доминирование²⁵². И в целом он соглашается с Соловьевым, когда говорит о трансцендентных ментальных чертах русского народа.

Так при чём же тут Соловьев? Видимо при том, что и он говорит о корневых чертах ментальности русского народа, а империя им мыслится как власть русского единоначальника именно во всём мире. Но власть условно-относительная и исполнительная. Монарх — а именно он стоит во главе империи (у Резника этот вопрос очень слабо проработан) — служит не народу, а Богу. Соловьев считает, что его задача — подготовить человечество к переходу в высшее трансцендентное состояние — Богочеловечество. Для этого империя осознаёт себя лишь эмпирическим проявлением высшей церковной власти, незримой и по природе мистически-идеальной.

Резник избегает говорить о высшем органе власти в новом имперском проекте. Но очевидно, что для империи это — единоначальник

²⁵⁰ Резник Ю.М. Имперский проект и жизненный мир человека. К экологии со-бытия // Личность. Культура. Общество. — 2017. — Т. XIX. — Вып. 1-2 (№№ 93-94). — С. 132.

²⁵¹ Там же. — С. 128.

²⁵² Там же. — С. 136.

(мьнбсчпт). Иначе речь будет идти о милитаризованном государстве-колонизаторе, жизнь которого сводится лишь к силовому действию, к экспансии. Но даже и при таком раскладе, как только империя установит тотальную мировую гегемонию, она станет единоначальной полицейской державой, поскольку потребуются жёсткая централизация, ядро власти. Мы считаем, что имперский проект России не должен превращать страну в военную машину. А потому рассматриваем только первый вариант.

Возвращаясь к Соловьеву, подчеркнём, что не следует забывать его воззрения на Папу Римского как главу, дирижера «симфонии властей». При этом русский монарх мыслится всего лишь духовным послушником высшего иерарха. Иными словами, Россия должна принять Западную церковность, поскольку та заботится об обществе в целом, преодолевая отчуждение и в плане политическом, и в плане экономическом, поддерживая развитие гражданской личности и задавая высшую цель для правителя. Культура папской власти понимается реальным учреждением активных деятелей, и прививка западных ценностей пассивному русскому обществу видится Соловьевым важнейшим проектом²⁵³. Выходит, что духовно-трансцендентное начало российского государственного устройства, которое Ю.М. Резник ставит во главу угла (наряду с внешним позиционированием на мировой арене) Вл. Соловьев выводит из доминанты западной культуры.

Как и Резник, Соловьев говорит об органичности имперского проекта. Но что такое органичность для Соловьева? Это, в первую очередь, метафизика единства, которая призывает Россию принять своё место в едином теле или организме государств и «признать нашу тесную солидарность с братьями на Западе, обладающими центральным органом, недостающим нам»²⁵⁴. Здесь речь идёт уж явно не о геополитическом доминировании. Напротив, призывом освободиться от национального эгоизма философ расчищает место для общечеловеческого сознания²⁵⁵, в котором Россия становится частью европейской семьи. Итак, это — одно из противоречий в имперском проекте Ю.М. Резника. Он ссылается на неверные основания. Это, впрочем, не мешает ему строить свой собственный проект без отсылок — но зачем тогда нужны ему эти отсылки к авторитетам?

Но вот что интересно. То, о чём говорит Соловьев, сегодня больше подходит для таких демократически настроенных дискурсов, которые пред-

²⁵³ Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь. — М.: ТПО «Фабула» (репринт с издания А.И. Мамонтова, М., 1911), 2003. — С. 100.

²⁵⁴ Там же. — С. 169.

²⁵⁵ Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. — М.: Азбука, 2014. — С. 123.

ставляет, например, Ю. Хабермас. И именно к нему апеллирует Ю.М. Резник, когда определяет ситуацию столкновения политических проектов и жизненного мира²⁵⁶. Хотя тут же обнаруживается ещё одно противоречие.

Да, Хабермас говорит о смысле, общих для всех членов гражданского общества. Но он также открыто заявляет, что «нормативный смысл, а именно безоговорочный переход к моральному универсализму западно-европейского Просвещения — лучшая и важнейшая составная часть этой западной ориентации, — является, наверное, единственным гарантом того, что тенденция нашего послевоенного развития <постнациональной идентичности> необратима»²⁵⁷. Постнациональная идентичность обретается в мультиэтническом обществе и видится как неизбежность, но неизбежность положительная. Смещение народов и растворение границ национального самосознания приветствуется Хабермасом как объединяющий смысл. Он пытается выйти к новому самосознанию мультикультурного общества, жертвуя при этом исторически сложившимся жизненным укладом с его неизмеримой и непостижимой ценностью, которую этот уклад формирует в душе каждого индивида. И из этой души — народной души — черпается сам. Скорее всего, само принятие в расчёт такой компоненты, как душа народа, чуждо дискурсу коммуникативного действия.

Однако нам важнее другое — как такой подход к вопросу национальной, а точнее «постнациональной» идентичности может быть сведен к имперскому проекту? И что это будет за удивительный синтез — имперской демократии с либеральным уклоном? Вероятно, речь идёт о внутреннем устройстве гражданского общества, которое станет реальной военной силой в случае необходимости, то есть — о милитаристической демократии? Можно назвать её псевдо-демократией с чертами тоталитаризма. Если Ю.М. Резнику удастся провести эту линию, этот путь синтеза и дальше, мы получим действительно уникальный проект цивилизационного выбора. Но пока это звучит несколько неясно.

Таким образом, ни Соловьев, ни Бердяев, ни, тем более, Хабермас, не могут дать хоть какую-то прочную основу для имперского проекта. Ведь и всеединое сознание, и персонализм и нравственность демократии раскрепощают ядро цивилизации, размывают границы идентичности, ослабляют защитный пояс. Происходит то, что К.Н. Леонтьев и, следом за ним, В.В. Розанов (во многом забытые) называли упрощением духа и разложением форм.

²⁵⁶ Резник Ю.М. Имперский проект и жизненный мир человека. К экологии со-бытия // Личность. Культура. Общество. — 2017. — Т. XIX. — Вып. 1-2 (№№ 93-94). — С. 137-138.

²⁵⁷ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. — М.: ИФ РАН, 1995. — С. 100.

Имперский проект как противодействие социокультурному разложению. Теперь мы обращаемся к этим двум философам за поиском обоснования имперского проекта. Понятно, что ни того, ни другого нельзя отнести к ярким апологетам монархии. Ситуация крушения старых порядков была для них очевидна, и не страх потери прежних ориентиров владел ими, но пессимизм в отношении к новым. Вопрос в том, что мы можем взять у них для построения имперского проекта?

Первое, на что следует обратить внимание — настойчивое требование сохранения традиций. Защита от *духовного разложения*.

Розанов, к которому сейчас начинают прислушиваться всё больше, пишет: «Механизм разлагающего процесса, который совершается в Европе, ясен: он состоит в том, что все, сохраняющее следы прежней оформленности, ослабевает в способности к сопротивлению <...> Именно эта особенность, отмечаемая во всем умирающем, неудержимо разливает всюду уравнивающий и высвобождающий процесс, роняя сословия, подкашивая церковь, снимая с народов исторически выработавшиеся формы государственности, — всюду прорывая ткани тысячелетие слагавшегося организма и открывая простор для движений исторического атома, *человека*, ни с чем более не связанного, ни к чему не прикрепленного, ни для кого не нужного и всему чужого»²⁵⁸. Российскому принципу соборности чужд европейский атомарный индивидуализм (позиция эго-деятеля), но именно он начинает расслоение органичного «тела» державы. Причина разложения по Розанову и Леонтьеву — стремление к индивидуальному счастью. Это вовсе не парадоксально, ведь уже И. Кант противопоставляет этому стремлению свой категорический императив, и потому *долг*, а вовсе не счастье, как высшее проявление нравственности, становится во главе системы ценностей.

Русская идея к императиву долга может добавить ещё *императив жертвенности*. На этих двух столпах может быть основана имперская будущность России. Как со стороны общества, так и со стороны власти. Впрочем, идею жертвенности можно понять превратно. Именно за это Розанов нещадно критикует Соловьева. Дело в том, что Соловьев понимает русский народ как народ отречения. Это и есть для философа всеединства корневая национальная черта. Призвание варягов и отречение от славянского самоуправления, разрыв с прошлым во времена Петра I, екатерининский век с оглядкой на барочную Европу, революции (которые Соловьев мог только предвидеть) — всё это проявления отрицающей силы русского народа. Но нельзя остановиться на этом пассивном созерцании —

²⁵⁸ Розанов В.В. Эстетическое понимание истории. — М.: Республика, 2009. — С. 94.

всеприемлющий русский характер должен, по мнению В. Розанова, принимать всё не в ущерб своему корневому основанию. Жертвенное самоотречение и вечное обновление имманентны русскому человеку. И в то же время — ему присущи «любовь к отеческим гробам» (Пушкин), душевное волнение и тоска по исконному, древнему, праотеческому. Нужно уметь сочетать то и другое.

Разлагающая сила бьёт именно по последнему. Велик ли сегмент современной молодёжи, выбирающий наследие русской культуре вопреки заманчивой альтернативе западного образа жизни? Есть тенденции к улучшению картины, но важно поддерживать их, ведь пропаганда чужеродных ценностей идёт полным ходом.

Очевидно, что державность империи возможна лишь благодаря трансцендентно-духовному базису. Речь о русской церкви. Подменить греко-византийское духовное наследие латинским или мистическую нравственность протестантской этикой — вот тот «таран», которым сносятся стены крепкой державы. Агентом этой подмены выступает чуждая русской ментальности культура, культ потребления, успешности и счастья. Установка агента-разрушителя, которую он внедряет в общество, может быть следующей: счастливая личность никому ничего не должна.

И всё же вновь прислушаемся к Розанову, который считает, что нормативным для гражданина является состояние готовности отдать себя в жертву, *выполняя долг*. И — со стороны власти, то есть императора (называем вещи своими именами, раз мы вообще произносим слово «имперский») — принять жертву, рассмотрев за ней спасение бессмертной души пожертвовавшего. Здесь может иметься в виду жертва не биологическая, а морально-нравственная. Мы смело заявляем, что очень немногие готовы понять «такое преклонение перед темным и скрытым средоточием Вселенной»²⁵⁹ (которого, по мнению Розанова, не смог принять Соловьев). И не по таким ли образцам, как по ориентирам, должно строиться сильное государство?

Итак, для построения имперского проекта действительно крепкой державы, нужны личности-ориентиры, имена которых будут на слуху, дела которых будут слышны сквозь шум любой пропаганды. Эти личности были явлены и в царской России, и в Советской, и в этом смысле Ю.М. Резник прав — мы должны взять всё лучшее и от первого, и от второго.

Возникает другой вопрос — как же остальные? Те, которых мы не включаем в эту, выражаясь языком Л.Н. Гумилева, пассионарную группу личностей-ориентиров? Этот вопрос крайне сложен, и нам ничего не ос-

²⁵⁹ Там же. — С. 95.

таётся, как прибегнуть к последней инстанции — философам явно монархической направленности.

Монархический аргумент имперского проекта. И.А. Ильин в начале 1950-х проводил кропотливый анализ отживших и вновь сложившихся структур власти. К сожалению, смерть философа оставила проект незавершенным, но большим потенциалом обладает его концепция двух типов государственного устройства. Это типы *корпорации* и *учреждения*.

— *Корпорация* состоит из равноправных деятелей, объединенных общими интересами и обладающих свободой воли. *Учреждение* строится сверху, не строится на общем интересе, но задает его, и опекает заинтересованных людей.

— *Корпорация* представлена демократической формой правления и республиканским типом с либеральным вектором развития. *Учреждение* — монархической формой, имперским типом, консервативным вектором развития.

Хотя и то и другое вырождается в, соответственно, охлократию и тоталитарный режим при неверном применении в текущей жизненной ситуации или если не учитываются территориальные особенности, психологические черты народов, всевозможные социальные факторы, и т.д.

Действительно, в первой трети прошлого века власть, отданная народу, превратилась в тоталитарную диктатуру, а затем либеральный дух и вовсе сломал государству хребет. Корпоративная формальная демократия, проходя через фазу олигархии сегодня вновь окрашивается в тоталитарные тона, хотя и необычных сочетаний (в этом плане интересны прогнозы футурологов, проблема власти и искусственного интеллекта, новых форм контроля и воздействия на сознание).

Однако Ильин пытается найти третий путь, который называет «жизненным сочетанием» двух вышеназванных форм. Конечно, по его мнению, имперский тип должен быть взят за основу. На то, что российская государственность должна строиться по типу учреждения, указывают следующие критерии²⁶⁰:

- размеры территории;
- неравномерная плотность заселения огромных пространств;
- сложнейшие хозяйственные задачи страны;
- многонациональность и неоднородная профессиональность;
- тенденция к понижению культурного уровня.

Чтобы избежать крайностей тоталитаризма и милитаризма, следует не выдумывать форму правления, а задаться вопросом гражданского са-

²⁶⁰ Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т. II. Кн. 1. — М.: Русская книга, 1993. — С. 103.

мосознания и национальной идентичности. Объединить ту мистику душевного созерцания трансцендентных глубин, о которой пишет Розанов с той гражданской честью, пафос которой звучит в идеях И. Ильина.

И, что самое главное, по мнению Ильина, крах самодержавия был вызван тем, что «России не хватало крепкого и верного монархического правосознания»²⁶¹, т.е. *гражданского общества с трансцендентно-духовными императивами как смыслом своего существования*. Кажется, об этом уже начинает говорить Ю.М. Резник, однако мы пытаемся внести в это большую ясность, чтобы избежать досадных противоречий и недоговорённостей. Так же мы считаем, что проект *монархического правосознания* удачно развивается Н.П. Полторацким²⁶². Особенно интересны акценты на понятиях солидарности (в противовес конкуренции), чести (в противовес независимости), олицетворения власти и народа (в противовес растворения личности), пафоса верности (в противовес гарантиям).

Основные выводы. Таким образом, мы приходим к основаниям имперского проекта. Как цивилизационный выбор России он представляется нам возможным, только если будут соблюдены следующие позиции:

- монархическое правосознание, основанное на принципе государственного учреждения;
- императив долга, верности и жертвенности;
- ориентация на личность;
- органичное единодержавие (подданные — принимают смыслы сакрального долга, власть — уважает подданных за эту способность созерцания мистических и трансцендентно-духовных основ социального устройства);
- сохранение традиций и противодействие разложению форм культурных ориентиров;
- нацеленность общества на эко-проекты, на сохранение эко-культурной среды и осознание ответственности за это перед грядущими поколениями (об этом пишет Ю.М. Резник);
- создание человекообразного общества при сильной самодержавной империи (так мы переосмысливаем идеи Ю.М. Резника).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т. II. Кн. 1. — М.: Русская книга, 1993. — 496 с.
2. Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т. II. Кн. 2. — М.: Русская книга, 1993. — 480 с.
3. Полторацкий Н.П. Монархия и республика в восприятии И.А. Ильина. — Нью-Йорк: Содружество, 1979. — 86 с.

²⁶¹ Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т. II. Кн. 2. — М.: Русская книга, 1993. — С. 94.

²⁶² См. Полторацкий Н.П. Монархия и республика в восприятии И.А. Ильина. — Нью-Йорк: Содружество, 1979. — 86 с.

4. Резник Ю.М. Имперский проект и жизненный мир человека. К экологии со-бытия // Личность. Культура. Общество. – 2017. – Т. XIX. – Вып. 1-2 (№№ 93-94). – С. 124-144.
5. Розанов В.В. Эстетическое понимание истории. – М.: Республика, 2009. – 878 с.
6. Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь. – М.: ТПО «Фабула» (репринт с издания А.И. Мамонтова, М., 1911), 2003. – 448 с.
7. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. – М.: Азбука, 2014. – 384 с.
8. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: ИФ РАН, 1995. – 245 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Ilin I.A. Sobr. soch. v 10 t. T. II, kn. 1. – М.: Russkaya kniga, 1993. – 496 s.
2. Ilin I.A. Sobr. soch. v 10 t. T. II, kn. 2. – М.: Russkaya kniga, 1993. – 480 s.
3. Poltoratskiy N.P. Monarkhiya i respublika v vospriyatii I.A. Ilina. – Nyu-York: Sodruzhestvo, 1979. – 86 s.
4. Reznik Yu.M. Imperskiy proekt i zhiznenny mir cheloveka. K ekologii so-bytiya // Lichnost. Kultura. Obshestvo. – 2017. – Т. XIX. – Вып. 1-2 (№№ 93-94). – С. 124-144.
5. Rozanov V.V. Esteticheskoe ponimanie istorii. – М.: Respublika, 2009. – 878 s.
6. Solovev V.S. Rossiya i vselenskaya tserkov. – М.: ТПО «Fabula» (reprint s izdaniya A.I. Mamontova, M., 1911), 2003. – 448 s.
7. Solovev V.S. CHteniya o bogochelovechestve. – М.: Azbuka, 2014. – 384 s.
8. Khabermas YU. Demokratiya. Razum. Nravstvennost. – М.: IF RAN, 1995. – 245 s.

Поступила в редакцию 15.05.2019 г.